

Посольство Петра Потемкина во Францию

Да по указу же великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великая и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царского величества стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов посылали из Ышпанского порубежного города Айрона во Французскую землю в город Байон к державцу генералу-порутчику эль маркезу де Санпею подъячего Андрея Сидорова да с ним толмача Романа Эглина объявить про приезд свой июня в 27 день.

И как подъячей и толмачь приехали к городу Байону, и в городских воротех служилые люди, которые стоят на карауле, остановили и спрашивали их: «Которого государства они люди, и от кого, и для каких дел х кому едут?».

И подъячей Андрей и толмачь Роман им сказали: «Присланы они от посланников великого государя, его царского величества, объявить державцу про их приезд, чтоб они сказали державцу и довели их до него».

И караульщики им сказали, чтоб де вам побыть здесь покамест державцу известят. И пошли к державцу и про них ему объявили.

И, помешкав немного, взяли подъячего и толмача на двор к державцу. И как к державцу на двор приехали, и на дворе их встречали многие люди, а сам державец встретил, вышед ис полаты.

И подъячей Андрей державцу говорил речь: «Посланы от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии само-

держца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, от его царского величества, к великому государю вашему, Лодвику, королю Французскому и Наварскому, к его королевскому величеству, в посланникех стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов великого государя, его царского величества, с грамотою о их государских делех, которые настоят к их государственной брацкой дружбе и любви наскоро. И он бы, державец, о приезде их к великому государю своему, к его королевскому ве-

личеству, отписал и, дав им корм и подводы, отпустил их к королевскому величеству, не задержав».

И державец, выслушав речь у подъячего, говорил: «Великого государя, его царского величества, посланником известите: о присылке их и о чем они, царского величества посланники, ко мне с вами наказывали, и о том писать буду в Парис к маршалку дюку де Грамону, потому что город Байон и иные многие города ведает он по указу королевского величества, а ему, державцу, приказаны одне служилые люди ведать; и дюка де Грамон королевскому величеству о том о всем известно учинит, и что указ королевского величества о том к нему будет, и он посланником тотчас известно учинит. А без указу королевского величества принять ему их, посланников, и подводы дать и отпустить к королевскому величеству невозможно».

И подъячей у него, державца, спрашивал: «Сколько скоро чаять о том указу королевского величества?».

И державец сказал: «Указу де королевского величества будет ждаться недели с четыре и больше, потому что до Париса от сех мест больше девятисот верст».

И подъячей Андрей Сидоров да толмачь Роман Эглин державцу говорили: «Двор он в Байоне посланником до указу королевского величества даст ли и подводы под них и подо всех посольских людей, на чом до Байона доехать, велит ли дать?».

И державец сказал: «Царского величества посланником скажите: дворы им в Байоне готовы, сколько надобно, только за те дворы деньги платить им свои, и подводы нанимать собою ж; а ему бес королевского указу того учинить, что дворы без найму и подводы дать, не мочно, потому что люди у них вольные, ни на каком дворе поставить ему без заплаты не мочно».

И подъячего и толмача отпустил к посланником.

А от Айрона до Байона тридцать пять верст.

И подъячей Андрей Сидоров и толмачь о том о всем посланником ведомо учинили.

И стольник Петр и дьяк Семен, поговоря о том, чтоб им не зазимовать за морем, время приходит осеннее, а указу им королевского ожидать будет многое время, потому что от Айрона до Париса больше девятисот верст, а естли король французской не укажет им подвод дать и корму, или ему то за гнев будет, что живучи за рубежом в Ышпанском государстве ожидать его королевского указу о приеме,

и чтоб тем великого государя, его царского величества, делу поруки не учинить и вконец бы всех людей государевых тем не поморить, естли зимовать прилучитца за морем, и послали по самой великой нуже во Французскую землю, в город Байон, к державцу подъячего Ивана Прохорова да толмача Романа Эглина.

Июня в 29 день в Байон к державцу ездили подъячей Иван Прохоров да толмачь Роман Эглин и говорили ему, державцу: „Приказывал ты к посланником царского величества с подъячим Андреем Сидоровым, что без указу королевского величества подвод и корму дать и к королевскому величеству посланников отпустить не смеешь, и двора в Байоне дать им не смеешь же, а указу де тебе о том ожидать от королевского величества будет четыре недели и больше. И великого государя, его царского величества, посланники велели тебе говорить: «Вели двор дать в Байоне, и подводы под них посланников прислать на рубеж; и о заплате за двор и подрядчиком за подводы что будет платить, о том к ним посланником с нами накажи подлинно»“.

И державец подъячему и толмачю сказал: «Двор в Байоне готов, и подводы на рубеже под посланников великого государя, его царского величества, пришлю, не замешкав, и о цене о прямой подрядчиком накажу, чтоб лишнего не имали».

Июля в 2 день поехали из Айрона рекою Уреею посланники и все посольские люди в барках, провожал их айронской воевода дон Гаврил де Ордин со многими начальными людьми за реку Урею, потому что подрядчики с лошадьми и с телегами в Ышпанскую землю за рубеж не поехали. А переехав посланники через реку Урею во Французскую землю, ночевали в деревне Бегобии на французском рубеже; и в тое деревню прислал державец дворянина да с ним солдат, кому посланников проводить до города Байона. И стольник Петр и дьяк Семен поехали из деревни Бегобии и дворяне и подъячие и все посольские люди на наемных подводах. А что найму дано, и то писано в росписи под статейным списком.

Июля в 3 день приехали в город Байон.

И того же числа приезжал к посланником Байона города державец эль маркез де Санпей и говорил: «О чем де вы, посланники царского величества, к нему наказывали, и он о том о всем и о приезде вашем к королевскому величеству и к дюке де Грамону писал. А подвод и корму

до Париса без указа королевского величества дать никоими мерами невозможно. А ожидать вам будет королевского указа в Байоне, или как изволите».

Того ж числа приходил к посланником французенин того двора, где они стоят, и говорил: «Как вы царского величества посланники изволите есть, а у него все готово».

Стольник Петр и дьяк Семен ему велели сказать, что они в постные дни рано не едят, а как будет время, и у них готовить будут ествы свои повары.

И тот французенин сказал: «У нас де чин такой: хто у кого на дворе стоит, у того человека едят и пьют, а ему деньги за то платят». И посланники велели у него спросить: «Сколько еств у него будет и каковы ествы, и что за весь стол ему будет взять?».

И тот французенин сказал: «Изволили б де посланники кушать, все им будет готово, а лишние заплаты за тот стол не возьмем».

И после того принесли челядники ево скатерть и ествы. И после обеда посланники велели спросить: «Что прислать к нему за тот обед заплаты?».

И он велел прислать за тот обед пятьдесят ефимков; а только было девять еств рыбных да вино французское.

И Петр и Семен, видя такую безмерную высокую цену, и того опасаясь: естли королевское величество не велит им дать корму и подвод, и за двор, на котором стоят, заплаты учинить, а ждать будет королевского указу многое время, а на всякой день платить будет такая дорогая цена, посылали к державцу, чтоб с ними виделся.

Июля в 4 день державец к посланником приезжал. И Петр и Семен ему говорили: «Чаят ли он, что корм и подводы и за двор заплата, на котором ныне стоят, королевского величества будет ли или нет?».

И державец посланником сказал: «У королевского величества иных государей послом корма и подвод не бывает, про то он ведает; а что об вас, посланниках царского величества, какой указ королевского величества будет, того ему ведать невозможно».

Петр и Семен ему, державцу, говорили: «Естли королевское величество корма и подвод нам дать не укажет, и за двор за тот, что ныне стоим в Байоне, заплаты и казны королевского величества не будет, а мы измешкаем, будучи в Байоне, многое время, и для того тебе, державцу, говорим, объяви нам подлинно: естли не чаешь о том указу королевского величества вскоре, и мы по самой

великой нуже велим нанять подводы до города Бурдоя за свои деньги, для того чтоб великого государя нашего, его царского величества, делу от того порухи не учинилось, и не зазимовать бы нам за морем и июлем месяцем быть в Парисе у королевского величества. И к королевскому величеству о том о всем ты [б] отписал, чтоб про то про все королевскому величеству было известно, для чего подводы мы велели на свои деньги нанять до города Бурдоя, и чтоб за те подводы указал королевское величество из своей казны в Парисе заплатить нам деньги».

Державец, выслушав у посланников, говорил: «Королевское величество укажет ли вам дать подводы или нет, того ему ведать невозможно; а о том о всем, что вы мне говорили, отпишу в Парис к маршалку дюку де Грамону, а маршалок известит королевскому величеству. А то буде на воле вашей, как изволите: здесь ли ждать похотите королевского указу о всем или подводы велите нанимать на свои деньги. И буде вы велите нанимать подводы, и о том ему объявите, и он подрятчиком велит взять цену прямую».

Июля в 5 день приходил к посланником полковник Корнилиус от генерала спросить о здоровье, и говорил: «Как вы посланники из города Байона ехать изволите в Бурдой, чтоб генералу про то было ведомо».

Посланники говорили: «Как подводы наймут, тотчас и поедем».

Того ж числа ввечеру приезжал к посланником генерал эль маркез де Сенпей со многими начальными людьми, а говорил: «Как вы изволите из Байона к королевскому величеству ехать, а он чаят, что королевского указу об вас вскоре не будет, и хочет он, державец, сего числа из Байона ехать в маетность свою, и чтоб вы, посланники, для ведомости дали ему роспись, что с ними к королевскому величеству есть каких даров, и их посольского платя, и всякой рухледи, для того что у них в Байоне таможенной откупщик збирает пошлину на маршалка дюка де Грамона, и говорит де тот откупщик, чтоб вы, посланники, все ему объявили, для того чтоб ему было ведомо, сколько взять с вас пошрины».

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «У великого государя нашего, у его царского величества, послом и посланником всех государств бывает всякая достойная честь, а того никогда не бывает, чтоб их осматривать, сколько с ними каких даров и их посольского платя

и всякой рухледи, и с того б имать пошлина никогда так не бывает, также ни в которых государствах великого государя нашего, его царского величества, послом и посланником того не бывает; и нам того никоими мерами учинить не мочно: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских великих делах, которые надлежат к их государской брацкой дружбе и любви, в посланниках: а купчин с нами и товаров никаких нет, для чего бы нас осматривать и имать пошлины».

И по тех разговорах державец поехал к себе на двор.

Июля в 6 день приходил к посланником от генерала полковник Корнилиус и говорил: «Прислал де его генерал эль маркез де Сенпей и велел вам объявить: о котором деле вчерашнего числа была у вас с ним речь, и про то велел вам сказать: в Байоне де городе два откупщики таможенных збирают всякую пошлину — один на королевское величество, а другой збирает на маршалка дюку де Грамона; и королевского де величества откупщик генералу послушан во всем, и пошлин с вас не возьмет, а другой откупщик, что збирает пошлину на маршалка дюку де Грамона, и то генералу не послушан, а говорит, чтоб вы, царского величества, посланники, написали, сколько у вас сундуков и чемоданов, и в котором сундуке или в чемодане какая рухледь».

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «У великого государя нашего, у его царского величества, когда бывают великих христианских государей и мусульманских послы и посланники, и тем послом и посланником бывает всякая достойная честь, и того никогда не бывает, чтоб с платья их посольского пошлину имать; и тем их не бесчестят. Скажи генералу: по самой великой нуже, чтоб нам в Байоне не замотчать и за морем не зазимовать, велим роспись учинить, сколько у нас с посольским платьем и с рухледью сундуков и чемоданов; а осматривать не дадим, потому что ни в которых государствах великого государя нашего, его царского величества, послом того не бывает. И то мы чиним по самой великой нуже, что подводы наймаем до Бурдоа на свои деньги, а надеемся на милость королевского величества, что велит нам заплату за то учинить в Парисе».

Полковник Корнилиус говорил: «Генерал эль маркез де Сенпей велел вам объявить, что он во всем вам, царского

величества посланником, всякого добра делать рад; и о том бы вам было ведомо, каков во французском государстве чин, и чтоб вам нигде никакова задержания и мешкоты ни за чем не было: в государстве их такой обычай, со всяких чинов людей и с послов пошлину емлют, по тому — откупают пошлину у короля и у великородных его королевских людей и многие тысячи дают откупщики; и естли бы и королевское величество шол мимо тех городов, где откупщики пошлину емлют, и они б и с самого короля взяли пошлину, потому что такое у них в государстве право положено, и потому они с вас, послов, пошлину и емлют; а естли де вы изволите ево, державца, послушать и пошлину тому откупщику дать, что доведетца, и королевское величество велит вам тое пошлину заплатить в Парисе, в том пожалуйте поверьте державцу; а он де державец, говорил всем бургомистром города Байона, чтоб и они того откупщика уговаривали; и бургомистры де ему откупщику, с великим прошеньем говорили, чтоб он с вас пошлины не имал; и он державцу и бургомистром отказал, что, не взяв с вас пошлин, из города выпустить не велит. А на державца б вам посланником в том не покручинитца, в государстве их люди вольные».

И посланники говорили: «На приятстве генерала эль маркеза де Сенпея кланяемся, что он к нам любовь свою оказывает, и покладываемся в том на его приятство».

Корнилиус говорил: «Про ваше приятство генералу он скажет; только извольте изготовить роспись, для того чтоб у вас впредь на дороге нигде ничего не осматривали; а велите роспись написать так, как вы изволите».

Петр и Семен ему говорили: «Роспись у нас всему готова будет; только объяви все то генералу, что с тобою мы говорили, чтоб королевскому величеству известно было о том: емлет откупщик с посольского нашего платья пошлину».

Корнилиус говорил: «О всем генералу объявит, и ведомо, не замешкав, вам посланником учинит».

И того ж числа полковник Корнилиус взял у посланников роспись, сколько у них сундуков и чемоданов с посольским платьем и со всякою рухледью, и говорил: «Велел де вам державец сказать, что откупщик маршалков бес пошлины вас пропустить не хочет, а меньши двухсот золотых червонных ему не имывать, и то для прошенья державца эль маркеза; и о том де как вы, царского величества послы, изволите?».

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Скажи державцу эль маркезу де Сенпею, чтоб отпустил нас х королевскому величеству, не задержав; а что откупщик маршалка дюка де Грамона хочет с нас взять с посольского платья пошлину двести золотых червонных, и те б золотые взял у нас державец сам или бургомистры для того: говорил генерал, что королевское величество велит нам те золотые отдать в Парисе, и тому мы верим; и чтоб отписал он о том в Парис х королевскому величеству: даем мы те золотые по самой великой нуже, чтоб нам здесь для того не замешкать и за морем не зазимовать».

Июля в 8 день приходили к посланником три человека бургомистров с тем же полковником Корнилиусом и говорили: «Пришли де они к вам челом ударить и сказать: королевского величества таможенной откупщик с вас, царского величества посланников, ничего не спрашивает. А что откупщик маршалка дюка де Грамона без пошлин вас не пропустит, они ево уговаривали, и он де их не слушает; только де у них тот откупщик таков: хотя своего государства послы или посланники куды идут, пошлину ему платят, а бес пошлины никого не пропустит; ишпанской де посол шел мимо Байон, и тот откупщик взял у него с платья и со всей его рухледи пошлину».

Петр и Семен им говорили: «На вашем приятстве кланяемся, что вы нас пришли навестить. А такова бесчестья нам нигде не бывало, как и пошли мы от великого государя нашего, от его царского величества, из великого Российского царствия, как ныне видим в государстве вашем от откупщиков: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских делах и о брацкой дружбе и любви великого государя нашего, его царского величества, с любительною грамотою х королевскому величеству наскоро; и нам здесь подвод не дано, и для поспешенья подводы хотим мы нанять на свои деньги, и держат нас здесь неведомо за что, просит откупщик с посольского нашего платья пошлины, что ни в которых государствах того послом и посланником великого государя нашего, его царского величества, не бывало».

И в то ж время пришел к посланником откупщик, которой збирает пошлину на короля, и говорил: «Извольте вы, царского величества посланники, ехать х королевскому величеству в Парис, а пошлин ничего он имать

у вас не будет; и в маршалкове де откупщике он не волен, извольте с ним видетца сами».

И после того приходил к посланником откупщик маршалка дюка де Грамона, а говорил, чтоб ему посланники велели дать сто дублонов золотых пошлины всего, что у них есть посольского платья и всякой рухледи.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Купецких людей с нами и товаров никаких нет, кроме посольского платья, и никто ничего у нас не продаывал, имать тебе у нас пошлины не с чего».

И тот откупщик увидел у посланников образы окладные, Спасов да пресвятые Богородицы, и говсрил: «Не только де с вашего посольского платья и со всякой рухледи, пошлину возмет и с образов, что на них оклады серебряные с камнем и з жемчюги».

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить, что с образа содетеля нашего и господа Исуса Христа, сына божия, и пречистые его матери пресвятые Богородицы, что на тех святых и честных иконах утварь устроена по нашей благочестивой христианской вере, и ты и с того хочешь пошлину, скверной пес, взять; не токмо было тебе с тех пречестных и святых икон пошлина имать, и с посольского нашего платья и с рухледи никоими меры имать было не мочно, потому: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, для великих государских дел и для брацкой дружбы и любви; а купецких людей и товаров никаких с нами нет, для того и пошлин имать тебе с нас было не мочно. А видя твое безстыдство и нрав зверской, как псу гладному или волку несыту, имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото как прах».

И выговоря ту речь, стольник Петр бросил ему сто своих золотых двойных на землю. И брося ему те золотые, взял на него письмо на галанском языке за его рукою, чтоб было про то ведомо у королевского величества в Парисе, с чего пошлину взял тот откупщик.

Июля в 10 день поехали посланники и дворяне и все посольские люди из Байона, наняв подводы до города Бурдоа. А что дано найму, и то писано под статейным списком. Провожал посланников за реку в барках полковник Корнилиус со многими начальными людьми. И, переехав реку, поехали верхами, рухлеть всякую повезли на лошедях вьюками.

А от города Байона до города Бурдоа тридцать миль.
И отъехав, стояли в деревне Ундресе.

Июля в 11 день стояли в деревне Алеструи.

Июля в 12 день стояли в деревне Нурете.

Июля в 13 день стояли в деревне Ухреи <...>

Августа в 11 день стояли в местечке Портопиле.

Того ж числа стояли в местечке Метле.

Августа в 12 день стояли в местечке Фой.

Того ж числа стояли в городе Анбуесе. И того города Анбуеса приходили к посланником бургомистры челом ударить, и принесли розных овощей в сахаре. И стольник Петр дарил тех людей, которые принесли овощи, от себя ефимками. А как посланники с бургомистры говорили, и в то время речь переводил перевотчик Иван Госенц по-латине.

И бургомистры посланником говорили: «Перевотчик ваш по-французски говорить умеет ли?».

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: «Перевотчик умеет по-латине в достаток, и по-цесарски, и по-галански, и по-итальянски, а по-французски перевести совершенно не умеет, потому что во французской земле по ся время он не бывал».

Бургомистры говорили: «Есть здесь в городе домникан Урбановской, приехал ис Польской земли, по-латине и по-французски, и по-польски умеет перевести совершенно, и по-русски говорить умеет же».

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: «За ваше приятство, что приехали навестить и любовь и приятство свое оказываете, любительно вам кланяемся. Да просим вашего приятства, скажите тому домникану Урбановскому, чтоб с нами он виделся».

Бургомистры говорили: «Для вашего приятства домникана к вам пришлем».

И того ж числа домникан к посланником пришел. А в розговорах с посланники говорил: «Родом он Польские земли; а как де ты, стольник Петр Иванович Потемкин, по указу великого государя вашего, его царского величества, был в Польской земле и взял город Люблин, и он в то время в Люблине был же; а после того во многих землях был; а ныне живет во французской земле для науки. А для великого государя вашего, его царского величества, во всем вам, посланником, служить он рад вседушно, сколько его мочи будет».

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Со фран-

цузского на русской язык речь перевести может ли?»

Домникан сказал: «По-французски и по-латине умеет в достаток, и с французского на русской язык речь скажет. И буде вы, царского величества посланники, изволите взять ево с собою в Парис, и он во всем великому государю, его царскому величеству, служить рад правдою в его государских делах, сколько мочи ево будет».

И стольник Петр и дьяк Семен взяли ево с собою, для того что Иван Госенц с французского языка на русской перевести не умеет.

Августа в 13 день стояли в городе Дублее.

Августа в 14 день стояли в местечке Лоренсе.

Августа в 15 день стояли в городе Арлиансе. И того города приходили к посланником бургомистры челом ударить, и принесли винограду и вина красново и белово. И стольник Петр тех людей, которые принесли виноград и вино, дарил ефимками от себя.

Того ж числа приезжал к посланником принцепс, которой тот город ведет, со многими начальными людьми челом ударить. А тот город Арлианс за братом родным короля французского за князем Арлианским, многолюден добре и велик; сказывал пристав, что во Французском государстве не много таких городов, и дома в нем великие и строенье всякое в том городе каменное.

Августа в 16 день стояли в местечке Тури.

Августа в 17 день стояли в городе Атамне.

Того ж числа сказывал посланником пристав Катуй, что по указу королевского величества велено вам, посланником, стоять, не доехав до Париса за две мили, в местечке Кролеве, а ис местечка в Парис ехать августа в 20 день; а примать будет вас королевского величества ближней человек маршалок, и кореты под вас с ним будут королевские <...>

Августа в 24 день сказывал стольнику Петру и дьяку Семену пристав де Берлис: «Королевское величество велел вам видеть свои королевского величества очи и з грамотою великого государя вашего, его царского величества, быть на посольстве сего месяца в 25 день. С коретами к вам будет королевского величества маршалок де Бельфон, которой вас встречал и в Парис провожал. А ехать вам на посольство к королевскому величеству в село Санжармен, для того что в Парисе двор королевского величества строят весь вновь».

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Где вели-

кий государь ваш, ево королевское величество, изволит видеть нам свои королевского величества очи и быть з грамотою великого государя нашего, его царского величества, у их королевского величества и посольства изволил у нас выслушать, и то на ево королевской воле, а мы быть готовы».

Августа в 25 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества на посольстве были в селе Санжармене.

С королевскими коретами приезжал к посланником маршалок де Бельфон да приставы де Берлис да Катуй; прислано с ними восемь корет, да под людей посольских тридцать лошадей. В первой корете сидел стольник Петр да с ним по левую сторону маршалок де Бельфон, против их приставы де Берлис да Катуй, в стремени перевотчик; в другой корете дьяк Семен да с ним королевской дворянин товарищ пристава подскарбия де Берлиса; в четырех коретах сидели дворяне, в достальных подьячие, а посольские люди ехали верхами. И приехали в то село Санжармен на королевской первой двор к полате, которая изготовлена для их приезду; и, вшед в полату, немного помешкали, для того что платье переменяли; и, убрався, поехали в тех же коретах на другой королевской двор, в котором его королевского величества покоевые полаты. А от тех королевских палат, где посланники платье переменяли, до королевских же покоевых палат с пятьдесят сажен площадью, а только стена одна меж теми дворами да мост в воротех запрометной. И въехав на двор, немного не доехав до палат, ис корет маршалок с товарищи наперед вышли, а посланники после вышли, и в королевские полаты пошли.

А как посланники ехали х королевскому величеству, и перед королевскими обеими дворами и на дворех стояли пеши начальные люди, полковники и подполковники, и капитаны, и райтары пеши с карабины, которые при королевском величестве бывають, да пехота надворная с мушкеты и с пики в латах, з знамены и з барабаны; а на лесницах и в сенях и в проходной полате стояли с одной стороны райтары с карабины, а з другой стороны — надворная пехота с протазаны, а протазаны были неоправные; а всего было райтар и пехоты надворной с три тысячи человек в то время на стойке, платье на них лазоревое да красное суконное с шолковыми галунами.

Встретил посланников ближней и великородной чело-

век, королевского величества дворянин де Рот, на дворе перед полатами и говорил: «Великий государь их, его королевское величество, велел вас, царского величества посланников, мне, ближнему своему человеку, встретить».

И пошел перед посланники, а маршалок де Бельфон шол по левую сторону у стольника Петра, немного попреж дьяка Семена. И как вошли в проходную полату, встретил посланников генарал и полковник всей надворной королевской пехоты, и с стольником Петром и з дьяком Семеном витался, и шол перед ними до дверей королевской полаты.

И как вошли в полату х королевскому величеству, и посланники, увидя королевское величество, шапки сняли и, пришед х королю блиско рундука, по обычаю поклонились. И король в то время встал шляпу снял и, надев шляпу, сел.

И, немного помешкав, посланники, стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин и дьяк Семен Румянцов, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, королевскому величеству поклон правили. И королевское величество в то время стоял, шляпу сняв, и про здоровье великого государя, его царского величества, спрашивал стоя жь и шляпу сняв. А говорил: «Великий государь, брат наш любительнейший, царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, в добром ли здоровье?».

И стольник Петр говорил: «Как мы поехали от брата вашего, от великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, от его царского величества, и брат ваш, великий государь наш, его царское величество, на своих великих и преславных государствах Росийского царствия, дал бог, в добром здоровье».

И, немного помотчав, стольник Петр, подступя блиско х королевскому величеству и приняв у дьяка Семена великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества грамоту, поднес королевскому величеству в камке. А как стольник Петр принял великого государя грамоту у дьяка, и король тотчас встал и шляпу

снял и с руки рукавицу, и принял великого государя грамоту с великим учтивством, и держал ее в руках своих во все посольство, покамест посланники ис полаты пошли.

А приняв королевское величество великого государя, его царского величества, грамоту, велел итить к руке посланником, и дворяном, и перевотчику, и подьячим, и толмачю.

А быв у руки, говорили речь посланники королевскому величеству о делах великого государя по наказу.

И король, выслушав речь о делех, витал, и шляпу сняв, говорил: «Великому государю, брату нашему, его царскому величеству, за ево брацкую любительную присылку челом бьем, что изволил он, великий государь, брат наш, его царское величество, своею братцкою любительною дружбою нас, брата своего, навестить. И что меж их, великим государем братом нашим, его царским величеством, учинился покой и перемирья учинено с польским королем, сь его королевским величеством, и о том нам брату своему учинил ведомо, и мы тому зело радуемся и просим у всемогущего господа бога, чтоб тот мир и в вечном dokonчании совершен был».

И стольник Петр и дьяк Семен, выслушав речь у королевского величества, говорили: «Слыша мы вашу королевского величества, к великому государю нашему, к его царскому величеству, к братцкой дружбе и любви совершенную подвижность, радуемся. И чтоб господь бог меж вами, великими государи, как меж великим государем нашим, его царским величеством, также и меж вами, великим государем, вашим королевским величеством, вашу государскую дружбу и братцкую любовь умножил навеки. А как, аж даст бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, его царского величества, пресветлые очи, и о том ему, великому государю нашему, его царскому величеству, известим».

А после того стольник Петр поднес королевскому величеству в дарех от себя саблю булатную, оправа серебряная золочена сь яшмами да с бирюзами, два сорока соболей, испод золотой фerezей, испод соболей пластинной, испод кафтана турского, испод соболей пупчатой, лисицу черную, три меха горностаевых, две камки кизылбашские золотные; да сын его стольник Степан два сорока соболей,

испод дву кафтанов турских, два испода соболях пупчатых, рукав соболей, по их извычаю зделан, нож булатной оправной, камку кизылбашскую золотную, два меха горностаевых; всего королевскому величеству стольник Петр и сын его стольник Степан поднесли в дар по цене на тысячу на двести на сорок на восемь рублей; дьяк Семен Румянцов три сорока соболей, испод соболей пластинной с пухом бобровым, два испода соболях пупчатые, рукавицы соболях пластинные, десять мехов горностаевых, три меха бельи хребтовые; дьяк Семен Румянцов на семьсот на девяносто на шесть рублей.

И королевское величество у стольника Петра саблю и мех пластинной соболей и лисицу черную принял сам, и у сына ево, у стольника Степана, и у дьяка Семена первые дары принял сам же, и велел все те дары класть перед собою; и принял королевское величество дары их с великою милостью и говорил: «На ваших посольских дарех помозибо, примаю ваши дары с великою любовью».

А после того королевское величество говорил: «Которые дела от великого государя вашего, от его царского величества, вы, посланники, нам на посольстве ныне объявили, и про то нам ведомо. А как грамоту великого государя вашего, его царского величества, велим перевести, и тогда вам велим на все учинить ответ. А естли что от великого государя вашего, от его царского величества, с вами наказано к нашему королевскому величеству сверх его царского величества грамоты о иных каких делех, и мы укажем ближнему нашему человеку с вами о тех делех говорить в ыное время в Парисе».

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: «От великого государя нашего, от его царского величества, что к вам великому государю, к вашему королевскому величеству, сверх той его великого государя нашего, его царского величества, грамоты, с нами наказано, о тех делех, которые настоят к вашей, обоих великих государей, братцкой дружбе и любви, будем говорить с вашими королевского величества думными людьми в ответе, в которое время ваше королевское величество изволит. А преже надобно нам видеть ваши королевского величества очи, и потом быть в ответе у думных людей на вашем королевского величества дворе».

И королевское величество говорил: «Для брата нашего, великого государя вашего, его царского величества, братцкия дружбы и любви велим учинить, хотя в нашем

государстве и в посольских обычаях того и не бывает; только учините ведомо, в которой день мочно быть вам на нашем королевском дворе и видеть наши королевского величества очи, и в ответе у наших думных людей быть; для того нам ведать надобно, чтоб вам было не истомно».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Ваша королевского величества воля, как вы изволите, великий государь, в то время готовы мы быть. А за вашу великого государя, вашего королевского величества, милость челом бьем, что к нам крайнюю милость являете».

И королевское величество говорил: «Объявите нам подлинно, в которой день быть вам у нашего королевского величества, чтоб о том нам ведать».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Ваша королевского величества воля, хотя завтра готовы мы видеть ваши королевского величества очи и у думных людей быть в ответе, только тебе, великому государю, будет истомно. А естли ваша королевского величества на то воля будет, чтоб нам ваши королевского величества очи видеть и у думных людей быть в ответе сего месяца в 27 день».

И королевское величество стольнику Петру и дьяку Семену изволил сказать: «Буди то на вашей воле, только бы вам не истомно было».

Стольник Петр и дьяк Семен челом ударя королевскому величеству. И как пошли ис полаты, и король в то время встал и шляпу снял. <...>

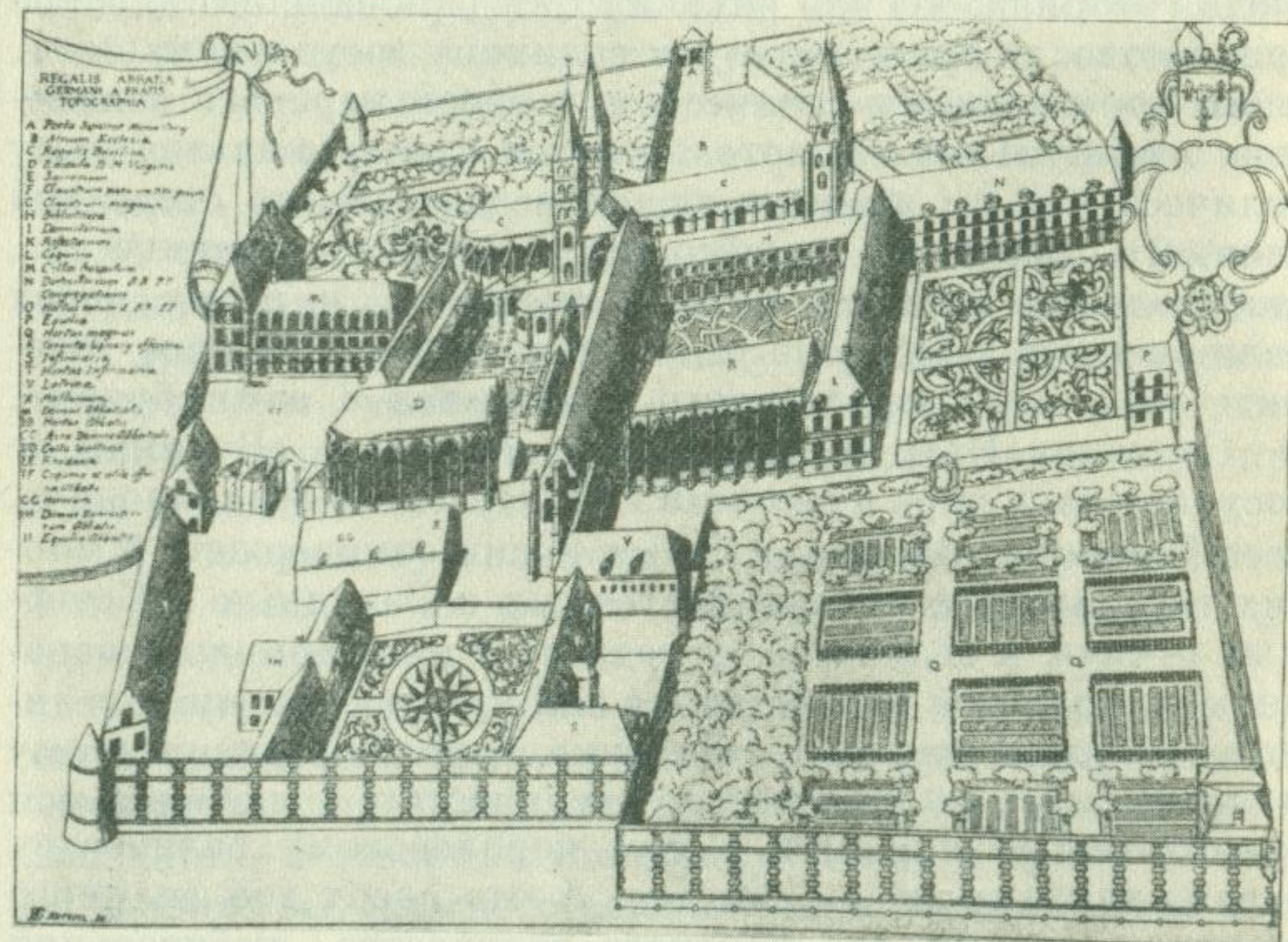
И августа в 29 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества были в том же селе Санжармене, и очи королевского величества видели и у думных людей в ответе были на ево королевском дворе. От королевского величества приезжали к стольнику Петру и дьяку Семену сь ево королевскими коретами приставы подскарбей де Берлис да Катуй да де Пей; в первой корете сидел стольник Петр, против ево приставы де Берлис да Катуй, в стремени перевотчики Иван Госенц да Урбановской, их перевотчик; в другой корете сидел дьяк Семен, с ним третей пристав де Пей; а в иных коретах дворяне и подьячие и люди посольские ехачи верхами; а на королевской двор приехали в коретах к самым полатам королевским, и переменя платье в полате, пошли до королевского величества.

А как пришли х королевской полате, и посланников встретил ближней и великородной человек, королевского величества дворянин де Сент.

И пришед стольник Петр и дьяк Семен х королевскому величеству, били челом на ево королевском жалованье за ево королевские столы.

И королевское величество в то время стал и шляпу снял; и после того сел и спрашивал их о здоровье и говорил: «Во всяком ли де вы, царского величества посланники и все посольские люди, у нас живете в покое в Парисе?»

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Милостию божиею и великого государя нашего, его царского величества, жалованьем, так же и вашим королевского величе-

ства во всяком живем покое и изобильстве», и поклонились по обычаю.

И королевское величество говорил: «О которых делех от великого государя вашего, брата нашего любительнейшаго, с вами наказано сверх ево царского величества грамоты, и о тех делех указали мы, королевское величество, с вами говорить и быть в ответе думным нашим ближним людям на нашем королевском дворе».

И стольник Петр и дьяк Семен, челом ударя королевскому величеству, пошли в ответную полату к думным людям. А так ответная полата блиско королевских полат, где были к королевского величества на посольстве.

А как стольник Петр и дьяк Семен пришли в сени ответной полаты, встречали их те думные люди, которым

велено с ними быть по королевскому указу в ответе: в сенях встретил первой секретарь де Лона, у дверей ответной полаты встретил маршалок Вильро да казначей Кольберт, и с стольником Петром и з дьяком Семеном витались и пошли в ответную полату по левую сторону у стольника Петра; и, вшед в полату, сели в креслах, с правую сторону стольник Петр да дьяк Семен, а думные люди по левую сторону за столом; стол в той полате был накрыт сукном, а полата вся обита коврами.

И, помолчав немного, королевского величества думные люди говорили: «О чем великий государь ваш, его царское величество, ко брату своему, к великому государю нашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества любительной грамоте посал, и про то королевскому величеству и им думным людям ведомо. А что сверх той великого государя вашего, его царского величества, любительной грамоты с вами наказано, и о тех делах великого государя вашего, его царского величества, говорить по указу королевского величества с вами будем».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Великий де государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчичь, и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель, его царское величество, о чем к брату своему, к великому государю вашему, к Лодвику, королю Французскому и иных, к его королевскому величеству в любительной грамоте своей писал, и о том королевскому величеству и вам, думным людям, ведомо. А что сверх той великого государя нашего, его царского величества, любительной грамоты с нами наказано, и о тех делах великого государя нашего, его царского величества, вам думным людям королевского величества объявляем. Великий государь наш, его царское величество, с великим государем вашим, сь его королевским величеством, в братцкой дружбе и любви быть хочет по тому, как и с ыными окрестными великими государи христианскими по братцкой дружбе и любви пребывает. И великий бы государь ваш, его королевское величество, к брату своему, к великому государю нашему, к его царскому величеству, по тому ж слал своих королевского величества послов или посланников о братственной меж ими, великими государи, дружбе и любви и о добрых делах, которые настоят меж их обоих великих государств, и с ними о всем наказали подлинно, как им,

великим государем, меж себя во братственной любительной дружбе и всылке впредь быть. Также и о том мы объявляем, чтоб на обе стороны великих государей подданные торговые люди ходили и торговали великого государя нашего, его царского величества, и государя вашего, его королевского величества, в государствах, и прибылей себе и пожитков искали, чтоб от того великим государствам прибавленья и расширения прибывало».

Думные люди, выслушав речь, говорили: «Великий государь ваш, его царское величество, изволил с вами наказать, чтоб великий государь наш, его королевское величество, слал к нему, великому государю, к его царскому величеству, своих королевского величества послов и посланников; и королевского величества на послов есть ли с вами царского величества опасная грамота?».

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Великий государь наш, его царское величество, хотя быть во братцкой дружбе и любви с великим государем вашим, сь его королевским величеством, свою царского величества опасную грамоту на послов королевского величества прислал с нами».

И тое грамоту великого государя, его царского величества, опасную на послов королевского величества думным людям отдали.

Думные люди, приняв тое великого государя, его царского величества, грамоту опасную на послов королевского величества, чли список по-латине, что з грамотою вместе запечатан, и говорили стольнику Петру и дьяку Семену: «Говорите вы, царского величества посланники, что великого государя нашего, его королевского величества, купецким людям ездить в великое Российское государство; и о том есть ли с вами великого государя вашего, его царского величества, грамота, чтоб купецким людям королевского величества торговать в великом Российском царствии?».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Грамоты великого государя нашего, его царского величества, о том нет потому: наказано с нами от великого государя нашего, от его царского величества, о купецком деле говорить з думными людьми в ответе; а не о всяких было делах великого государя нашего, его царского величества, посылать грамоты х королевскому величеству».

Думные люди говорили: «Буде великий государь наш, его королевское величество, поволит своим торговым лю-

дем ездить и торговать в великом Росийском царствии, и им в которые места и с какими товары приезжать, и в Росийском государстве какие товары есть, и в торговле какая им повольность будет?».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Буде великий государь ваш, его королевское величество, поволит своего государства купецким людем торговать великого государя нашего, его царского величества, Росийского царствия с купецкими людьми, и им мочно со всякими товары приезжать к карабельной пристани Росийского царствия к Архангельскому городу и в ыные города, где лучитца приехать, и торговля им с рускими людьми дана будет повольная; а пошлины с товаров учнут имать по указу великого государя нашего, его царского величества, какова устава положена в великом Росийском царствии».

Думные люди говорили: «Буде торговым купецким королевского величества людем в Московское государство для торговли ездить, и чтоб о том договоритца подлинно, и поставить на мере и, написав, закрепить те статьи вам посланником своими руками».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «От великого государя нашего, от его царского величества, о чем с нами наказано сверх его царского величества любительной грамоты, и о том вам, думным людем, о всем объявили. А что закрепить нам своими руками договорные статьи, и того учинить без указу великого государя нашего, его царского величества, нам не мочно. А естли вы, королевского величества думные люди, сомневаетесь и не доверяете тому, что мы с вами говорили ныне в ответе о купецких людех обоих государств и о торговлях их, что грамоты о том от великого государя нашего, от его царского величества, нет к королевскому величеству, и о том как изволит великий государь ваш, его королевское величество. А о чем великий государь наш, его царское величество, изволил послать нас к брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских общих делех, которые настоят к их государской дружбе и любви, и о том писано в ево государской грамоте; и о том объявлено в той же великого государя нашего, его царского величества, грамоте, что и о иных надлежащих делех обоих их великих государей дружбе и любви нам предложить, чтоб впредь между их великих государей, как меж великим государем нашим, его царским величеством, также и королевским величеством надежная

дружба и любовь соблюдалась. Да и вы, думные люди, в ответе нам о том объявили ж: о чем великий государь наш, его царское величество, к брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества в любительной грамоте писал, и про то ево королевскому величеству и вам, думным людем, ведомо. И нам то в великое подивленье, что вы, ближние люди, таким великим свидетельством не уверились, что писано в любительной великого государя нашего, его царского величества, грамоте к великому государю вашему, к его королевскому величеству, и о тех купецких статьях, что мы о торговле обоих государств купецких людей с вами, думными людьми, говорили, в ответе сомневаетея и не доверяете. А то забытое ли дело, что собою сверх указу великого государя нашего, его царского величества, о каких делех нам говорить, естли бы о чем нам наказано с нами было. И вам бы, думным людем, известить о том королевскому величеству: сверх указу великого государя нашего, его царского величества учинить собою того не смеем, что договорные статьи руками своими закрепить. А о чем с вами от великого государя нашего, от его царского величества, наказано, и мы вам, думным людем, о том объявили».

Думные люди говорили: «Нестаточное то дело, что нам тому не верить о которых делех великого государя вашего, его царского величества, в ответе с нами вы говорили. И то самое великое надобное дело, что королевского величества купецким людем в Росийское государство ездить для торговли, только б о том деле были статьи на письме и закреплены руками вашими, для того чтоб о том было надежно с обе стороны впредь».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Чтоб великий государь ваш, его королевское величество, слал своих послов или посланников к великому государю нашему, к его царскому величеству, и с ними о всем наказал подлинно, на какове мере быть хочет его королевское величество с великим государем нашим, сь его царским величеством, в братственной дружбе и любви и в ссылке и о иных добрых делех, которые настоят меж их обоих великих государств, и о торговле купецких людей с теми ж своими послы или посланники подлинно наказал, или о торговле купецких людей на письме с ними послал».

Думные люди говорили: «О том они известят королевскому величеству, чтоб Московского государства торговым

людем ездить во французское государство, а французским в Московское государство для торговли. А великий государь наш, его королевское величество, с великим государем вашим, с его царским величеством, в брацкой дружбе и любви и ссылке быть хочет, и купецким своим людем в Российское государство ездить чаять поволит. И что с вами, царского величества посланники, в ответе мы говорили, о том о всем королевскому величеству известим, А что о том королевское величество изволит, и вам о всем ведомо велим учинить».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: «Слышали мы от пристава, что великий государь ваш, его королевское величество, хочет итить вскоре в дальней поход; и вам бы думным людем, объявить нам: как чаять его королевского величества поход буде отсюда, и сколь далече, и многое ль время его королевскому величеству в том походе быть?».

Думные люди говорили: «Королевского величества поход будет вскоре отсюда, верст с полтора от Париса, на два месяца и больши, осматривать будет городов и дома свои королевские и в них строенья».

Стольник Петр и дьяк Семен говорили думным людем: «Хотя было о том ныне с вами, думными людьми, и время не дошло говорить, однако ж по случаю такому не мочно не объявить, что поход великому государю вашему, его королевскому величеству, вскоре будет отсюда, а и от Париса великий государь ваш, его королевское величество, ныне в четырех милях, и нам в ыное время с вами говорить будет о делах великого государя нашего, его царского величества, неколи для того скорого королевского и дальнего похода. Доложите королевского величества, чтоб велел нас к великому государю нашему, к его царскому величеству, отпустить, не задержав, и против великого государя нашего, его царского величества, любительные грамоты слал с нами свою королевского величества любительную грамоту. И в той бы своей королевского величества грамоте великий государь ваш, его королевское величество, великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титла велел написать сполна против его царского величества достоинства, как он, великий государь наш, его царское величество, сам себя описует и как все великие государи его царского величества имянованье и титла пишут против великого государя нашего, его царского величества; и с той своей королевского величества грамоты велел прислать к нам список на латинском

языке преже отпуска нашего, чтоб нам ведать, с чем великий государь ваш, его королевское величество, к брату своему, к великому государю нашему, к его царскому величеству, нас отпускает, и сполна ль великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титлы в той королевского величества грамоте будут написаны, чтоб нам о том о всем подлинно ведать. Да и о том королевскому величеству известите, чтоб великий государь ваш, его королевское величество, хотя с великим государем нашим, сь его царским величеством, быть в брацкой дружбе и любви, на отпуске велел нам быть у себя, великого государя, и грамоту к великому государю нашему, к его царскому величеству, велел отдать при себе, великом государе, и отпустил нам от своего королевского лица; то меж их, великих государей, начало доброму делу и любви, а для того вам, думным людем, и объявляем: у великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, у его царского величества, в посольских обычаях так имеетца: от которых великих государей послы и посланники к великому государю нашему, к его царскому величеству, приходят, и великий государь наш, его царское величество, тех послов и посланников жалует, на приезде и на отпуске велит им видеть свои царского величества пресветлые очи, и отпускает их от своего царского величества пресветлого лица, и грамоты к тем государем послом и посланником отдают при его царском величестве. Да и у всех великих государей христианских, у цесаря римского и у иных великих государей и у королей, так послом и посланником бывает великого государя нашего, его царского величества: отпускают их от своего государского лица и грамоты подают при них, государех. А объявляем мы о том великому государю вашему, его королевскому величеству, хотя того, чтоб великого государя нашего, его царского величества, и великого государя вашего, его королевского величества, их государская братцкая дружба и любовь множилась и возрастала навеки».

Думные люди, выслушав тех всех статей, говорили: «Королевскому величеству о том о всем, что от вас, посланников, слышали, они известят».

Стольник Петр и дьяк Семен думным людем говорили: «Как мы из Ышпанского государства приехали в город Байон великого государя вашего, его королевского величества, и того города таможенной откупщик, которой

откупил пошлину у маршалка дюка де Грамона, учинил бусурмански, взял у нас пошлину з животворящего креста Господня и с образа пресветлые Богородицы и с нашего посольского платья двести золотых червонных, и тем учинили нам великое бесчестье; а того ни в которых государствах, не только в христианских, и в мусульманских не бывает, чтоб с послов и с посланников великого государя нашего, его царского величества, имать пошлину; и великому государю вашему, его королевскому величеству, про то известно ль и вам, думным людем, о том ведомо ль, что такое бесчестье нам учинено? Да и о том его королевского величества доложите: как мы приехали из ышпанского порубежного города Айрона в город королевского величества Байон, и к державцу того города ель маркезу де Сенпею посылали про свой приезд объявить, чтоб он велел нас принять и, дав корм и подводы и провожатых, отпустил х королевскому величеству в Парис не задержав, для того: время приходит осеннее, и чтоб нам за морем не зазимовать и от того б делу великого государя нашего, его царского величества, порухи не учинилось; и державец сказал, что ему без указа королевского величества принять нас и подводы и корм и провожатых дать невозможно, писать он о том будет х королевскому величеству, а указу де будет ждать ис Париса королевского величества о том с месяц и больши, и двора где стоять нам, без найму не дал же; и по самой великой нужде, чтоб нам в Байоне не замотчать и за морем не зазимовать и порухи б делу великого государя нашего, его царского величества, тем не учинить, велели нанять подводы дорогою ценою от города Байона до города Бурдоя под себя и подо всех посольских людей на свои деньги; и после того говорил нам державец генерал эль маркез де Сенпей, что за те подводы заплата нам будет от королевского величества в Парисе. И вам бы, думным людем, о том королевскому величеству известить; а что королевское величество изволит, о том ведомо нам учинить».

И думные люди говорили: «Королевскому величеству о том до сего времени было не известно; а ныне слыша они про то, королевскому величеству известят и вам, посланником, ведомо учинят; и чтоб вам, посланником царского величества, о том не покручинитца, учинилось то без ведомо королевского величества, что взял откупщик с вас пошлину, государство здесь вольное; и велит де королевское величество за те золотые, что взяты у вас в Байоне,

из своей королевской казны заплатить вам здесь. А королевское де величество желает быть с великим государем вашим, съ его царским величеством, в брацкой дружбе и любви, и вам, его царского величества посланником, во всем велел честь чинить, чтоб было к вечной меж ими, великими государи, любви братственной, а не к розорванью» <...>

Августа в 31 день приходили к стольнику Петру и дьяку Семену французские купецкие торговые первые люди шесть человек и говорили: «По указу де великого государя их, его королевского величества, велено им у вас, царского величества посланников, быть для того: говорили вы, царского величества посланники, з думными людьми королевского величества в ответе, чтоб Французского государства торговые люди со всякими товары приезжали торговать в Московское государство. И мы вас, царского величества послов, пришли доложить: великого государя вашего, его царского величества, в Московском государстве у купецких людей какие товары, извольте нам пожаловать, о том дать ведать, а мы вам, царского величества послам, объявим, какие товары есть во Французском государстве, и х которому городу государства Московского х карабельной пристани приезд нам будет для купечества?».

Да те ж купецкие люди говорили: «Естьли де нам со всякими товары ездить торговать в Московское государство, и чтоб вы послы дали им проезжей лист за своими руками, чтоб им в Московское государство ездить торговать было надежно».

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: «Великого государя нашего, его царского величества, в великих и преславных государствах Росийского царствия всяких товаров множество. И буде великий государь ваш, его королевское величество, поволит своего государства купецким людем ездить в великое Московское государство, и им мочно приезжать со всякими товары х карабельной пристани ко Архангельскому городу и в ыные города, и тем купецким людем с рускими купецкими людьми торговля дана будет повольная, а пошлины с товаров учнут имать по указу великого государя нашего, его царского величества. А что вы говорите нам, чтоб дать вам проезжей лист за своими руками, и о том будем мы говорить с приставом с подскарбием королевским з де Берлисом, и учинит ведомо он вам о том, потому: по указу королевского величества

велено нам обо всяких великого государя нашего, его царского величества, делех говорить с ним. А о том вам объявляем, чтоб вы безо всякого опасенья на кораблех ехали со всякими товары торговать х карабельной пристани великого государя нашего, его царского величества, к Архангельскому городу надежно».

И торговые люди говорили: «Что вы, царского величества послы, нам говорите, тому мы всему верим. А для опыту изготовили б и ныне к Архангельскому городу шесть кораблей со всякими товары, да время приходит осеннее, с кораблями от Архангельского города воротитца в Французское государство нам не успеть. А естли изволит бог, в приидущее лето французские карабли с товары у Архангельского города будут».

И стольник Петр и дьяк Семен велели переводчику им сказать: «Как аж даст бог, пойдут французские карабли с товары к Архангельскому городу, и на тех бы караблях заповедных товаров агварденту, по-русски двойного вина, и табаку отнюдь не возили, и вам бы про то было ведомо. А буде объявитца табак или вино двойное на караблях, и тот табак и вино будут имать безденежно на великого государя. Для того вам и объявляем чтоб от того ссоры не учинилось».

Торговые люди говорили: «За то вам послам челом бьем, что нам объявляете, и тех заповедных товаров в Московское государство возить не будем для продажи».

И стольник Петр и дьяк Семен велели переводчику сказать им, торговым людям, про всякие товары, какие в государстве Московском есть у торговых людей.

И они, выслушав, говорили: «Многие де товары те, о которых мы от вас слышим, в государстве Французском надобны, и покупать их и на товары менять будут: соболи, куницы, горностаи, мехи горностаевые, бельи мехи, выдры, норки, выхохоли, юфти, сало говяжье, сало ворвань, поташ, пенька».

А после того велели у них спрашивать о их товарах. И те купецкие французские люди сказывали о товарах своих, с какими они будут торговать х карабельной пристани к Архангельскому городу: золотые ефимки, алтобасы, бархаты, обьяри золотные, отласы, камки, сукна и иные товары, и вино красное и белое.

И, поговоря о том, французские торговые люди, и ударя челом посланником, пошли с посольского двора. <...>

Сентября в 13 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества на отпуске были в селе Санжармене. С коретами приезжал маршалок де Бельфон да с ним пристав де Берлис, да Катуй, да де Пей. В первой корете сидел стольник Петр, подле ево с левую сторону маршалок де Бельфон, против их приставы де Берлис да Катуй, в стремени сидели переводчики Иван Госенц да Урбановской; в другой корете дьяк Семен, с ним третьей пристав де Пей; в ыных коретах сидели дворяне и подьячие, а посольские люди верхами.

И, едучи дорогою, говорил стольник Петр моршалку, чтоб он королевскому величеству известил: взял откупщик в городе Байоне с них, посланников, и з дворян и со всех посольских людей пошлины двести червонных золотых с образа пресвятыя Богородицы и с животворящего креста, с окладов, и с посольского п[л]атья; и как были они посланники в ответе, и о том думным людям говорили, чтоб королевское величество велел те двести золотых нам отдать. Да в ответе ж мы говорили з думными людьми о наемных подводах, что наймовали от шпанского рубежа до французского города Бурдоа, чтоб королевское величество указал за те подводы деньги нам заплатить из своей королевской казны.

И моршалок де Бельфон сказал, что он о том о всем известит королевскому величеству.

И приехали на королевский двор в коретах и вошли в полату переменять платья. И, немного помешкав, приходил от короля ближней человек и спрашивал от королевского величества стольника Петра и дьяка Семена о здоровье, и говорил стольнику Петру и дьяку Семену, чтоб «вы, царского величества посланники, не покручинились, королевское величество велел вам помешкать с полчаса здесь в полате, и чтоб де вам о том было не в кручину».

И стольник Петр и дьяк Семен на королевском жалованье, что прислал их спросить о здоровье, велели бить челом.

И после того пришел от королевского величества маршалок де Бельфон и стольнику Петру и дьяку Семену говорил: «Королевского де величества он докладывал о пошлинах, что с вас в Байоне откупщик взял двести золотых червонных и о подводах, что вы наймовали от рубежа шпанского до французского города Бурдоа. И королевское величество указал: что взято с вас пошлины двести золотых

червонных, тот час велел отдать; а о подводах указу никакова королевского нет».

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Великому государю вашему, его королевскому величеству, бей челом, что указал нам те золотые отдать, что взяты в городе Байоне. А о подводах поверили мы державцу эль маркезу де Сенпею, он нам сказал, что королевского величества ис казны заплата будет в Парисе за те подводы и за дворы, что наймовали мы на свои деньги в городе Байоне для поспешенья, чтоб за тем за морем не зазимовать и порухи б делу великого государя нашего, его царского величества, тем не учинить».

И моршалок говорил: «В великое де подивленье в государстве их о том, преж сего николи того не бывало, чтоб послам подводы давать, некоторых государей послом того не бывало, что ныне вам, царского величества послом, подводы из Бурдоа даны и столы королевские по вся дни про вас, послов, и про всех посольских людей были дорогою и в Парисе».

И опосле того со стольником Петром и с дьяком Семеном пошел маршалок де Бельфон х королевскому величеству; встречал у нижнего крыльца тот же ближней человек королевского величества, которой в первом и другом приезде был на встрече, а в сенях встречал всей королевской пехоты генарал и полковник.

А как пошли стольник Петр и дьяк Семен в полату, и королевское величество в то время встал и шляпу снял. И стольник Петр и дьяк Семен поклонилися королевскому величеству по обычаю, и после того били челом королевскому величеству на ево королевском жалованье за столы, что по его королевскому указу по вся дни столы были полные по чину посольскому про них, посланников, и про всех посольских людей.

И после того поднес х королевскому величеству первой секретарь де Лиона грамоту.

И король приняв грамоту, встал и, шляпу сняв, говорил: «К великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, к брату нашему любительнейшему, к его царскому величеству любительная грамота».

И грамоту отдал королевское величество сам стольнику и наместнику Боровскому Петру Ивановичю Потемкину, и после того с той грамоты список отдал королевское величество, стоя, из своих же рук стольнику Петру, и после

того сел. И приняв у королевского величества тое грамоту и список з грамоты на латинском языке, отдал стольник Петр дьяку Семену Румянцову.

И после того королевское величество встал и, сняв шляпу, говорил: «Великому государю, брату нашему любительнейшему, его царскому величеству за приятельскую его царского величества присылку, как, даст бог, увидите вы, посланники, его царского величества пресветлые очи, и вам бы ему, великому государю, его царскому величеству, от нас бити челом».

И стольник Петр говорил королевскому величеству против того речь: «Великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, аж даст бог увидим пресветлые его царского величества очи, и ему, великому государю нашему, его царскому величеству, про вашу великого государя, вашего королевского величества, братственную дружбу и к любви подвижность известим».

А покамест королевское величество речь говорил, все стоял, шляпу сняв, с великим любительством. И после того королевское величество стольника Петра и дьяка Семена, и дворян, и переводчика, и подьячих, и толмача жаловал к руке и отпускал с великою милостью и честью.

И, быв у руки, стольник Петр и дьяк Семен, поклонясь королевскому величеству по обычаю, хотели ис полаты итти, и в то время королевское величество встал и шляпу снял; и стольник Петр и дьяк Семен вдругорядь его королевскому величеству поклонились по обычаю, для того что королевское величество в то время встал и шляпу снял; и, поклонясь, пошли ис полаты; провожали их ближние королевского величества люди те ж, которые в первом и в другом приезде встречали; и проводили до нижнего крыльца и с стольником Петром и з дьяком Семеном витались и пошли х королевскому величеству. И посланники пошли в ту же полату, в которой с приезде были на королевском дворе; и до той полаты провожали посланников полковники и дворяне королевские; а та полата блиско королевских покоевых полат.

И пришед стольник Петр и дьяк Семен от королевского величества, велели переводчику Ивану Госенцу да домникану Урбановскому прочесть з грамоты список, что дал

им королевское величество на латинском языке на отпуске, и у королевской грамоты подпись со французского на русской язык велел перевести Урбановскому. И домникан Урбановской у той королевского величества грамоты подпись со французского на русской язык перевел тотчас. И на подписи у той королевской грамоты написано было не против списка великого государя, его царского величества; в титлах написано не сполна, а прописано было: «самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя».

И стольник Петр и дьяк Семен выговаривали в том ближнему королевского величества человеку маршалку де Бельфону и приставу де Берлису: «Великий государь ваш, его королевское величество, к великому государю нашему, к его царскому величеству, любительную свою грамоту и список с той своей королевской грамоты на латинском языке отдал нам из своих королевского величества рук. И в том списке имянованье и титлы великого государя нашего, его царского величества, написаны сполна против его царского величества достоинства; а у подлинной грамоты на подписи в первых и великих самых титлах великого государя нашего, его царского величества, написано не сполна, самые высокие титлы прописаны: «самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя» у той грамоты на подписи не написано. И великий бы государь ваш, его королевское величество, велел тое свою королевского величества грамоту исправить, и велел бы в ней великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царского величества, имянованье и титлы написать сполна, как великий государь наш, его царское величество, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества грамоте писал, и как великого государя нашего, его царского величества, все великие государи, христианские и мусульманские, описуют по его царского величества достоинству, что ему, великому государю нашему, от прародителей его, от великих государей, царей и великих князей российских, бог дал. И они б о том известили королевскому величеству тотчас, и чтоб королевское величество велел, тое свою грамоту исправя, переписать вновь, и великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титлы велел написать сполна, как великий государь наш, его царское величество, сам себя описует».

И маршалок де Бельфон и пристав де Берлис у тое королевские грамоты подпись с латинским списком чли и, рассмотря, что на подписи королевской грамоты на французском языке написано не против того латинского списка, каков дал посланником королевское величество на отпуску.

И маршалок де Бельфон говорил посланником: «Известит он о том королевскому величеству тотчас».

И грамоту и список взяв у стольника Петра и у дьяка Семена, пошел к королевскому величеству и говорил: «Время вам, царского величества посланником, кушать, а я де к вам буду, помешкав у королевского величества немного».

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Не только нам есть, и на свет зреть не можем, великого государя нашего, его царского величества, в самом великом ево государском деле видя страшное нарушение, что меж такими великими государи не к любви склоняетца, но к розорванью вечному, а нам нестерпимое о том смертное уязвление; как можем мы то слушать и живы быть, что великого и пресветлого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, чести его государской остерегательно не желают хранить, и его государскую братцкую дружбу и любовь королевское величество в презрении чинит, такие великие и высокие титлы великого государя нашего, его царского величества, в его королевской грамоте прописаны, а тое грамоту свою королевское величество отдал нам из своих королевских рук».

И маршалок де Бельфон, выслушав у стольника Петра и у дьяка Семена тое речь, в великом недоумении стал, а говорил: «Незбытное то дело, что великому государю, его королевскому величеству, того исправить не велеть, учинилось то никако не хитростью, чтоб вам, царского величества посланником, на королевское величество не подивить, а самим о том в великую печаль не вдавать себя; тотчас о том о всем великому государю нашему, его королевскому величеству, известно учиню, и тотчас с подлинным ведомом к вам буду».

И пошел маршалок де Бельфон к королевскому величеству.

А стольник Петр и дьяк Семен ему, маршалку, сказали: «Не дождався о том совершенной отповеди, за стол итить не будем».

И, немного помотчав, прислал королевское величество к посланником пристава де Берлиса и велел им сказать: «Грамоту к великому государю вашему, к его царскому величеству, королевское величество приказал тотчас исправить, и велел написать, как великий государь ваш, его царское величество, в своей любительной грамоте писал к его королевскому величеству». И звал посланников за стол <...>

И после того пришел от королевского величества пристав де Берлис и говорил: «Великий де государь их, его королевское величество, прислал ево к вам, царского величества послам, чтоб вы изволили итти в сад ево королевской гулять».

И стольник Петр и дворяне по изволенью королевского величества в королевской сад ходили; и в саду королевском арап на лошади скакал, стоячи во всю пору без седла многое время перед стольником Петром; и велел ему, арапу, дать стольник Петр два ефимка. А дьяк Семен в то время был болен.

А в том королевском саду строенья, виноград и иные многие деревья плодовые улицами устроены, и воды взводные разными образцы.

А ис королевского саду стольник Петр и дворяне пошли в полату, провожали их стольники королевского величества и начальные многие люди до той полаты, где стол про них был.

А как стольник Петр из саду королевского пошел в полату и, немного помешкав, пришел пристав де Берлис да с ним секретарьус и говорили: «Великий де государь их, его королевское величество, грамоту свою к великому государю вашему, к его царскому величеству, указал, исправя, переписать вновь, и прислал тое грамоту с ними и велел поднести вам, царского величества посланником».

Стольник Петр и дьяк Семен грамоту у них тое приняли и велели домникану Урбановскому у той грамоты на подписи перевести со французского языка на русской, потому что перевотчик Иван Гюсенц со французского языка перевести не умел.

А в переводе Урбановского у той грамоты на подписи великого государя, его царского величества, имянованье

и титулы написаны сполна, как великий государь, его царское величество, в любительной своей грамоте к королевскому величеству писал.

И после того вскоре королевино величество и королевичь в поход пошли от того села с милю в кляштор молитца. Сидело королевино величество в корете, против ее две вдовы, сидели в другой корете королевичь большой, против ево сидели дьяки да мама ево вдова; кореты королевина и королевичева были не закрыты, сидели попросту; в третьей корете за ними ехали вдовы и мужни жены.

Во всех трех коретах было по шти возников светлосеры, перед королевиною коретою ехали человек шесть рейтар, шпаги у них в руках наголо, около кореты пеших человек здесять со шпагами ж, шпаги у них в руках наголо же, за королевичевою коретою четыре человека конных дворян да рейтар три человека; а больши того никаких людей конных и пеших за королевою в походе не было. А помешкав после того с час, шли ис походу королева и королевич тем же местом, конные люди те же перед нею ехали да пеших два человека подле кореты; за королевичевою коретою только два человека ехали верхами да пеших два же человека подле кореты шли. А как шла ис походу королева, и за нею не было третьей кореты, только ее, королевина величества, да королевичева корета; а больши трех корет и в то время не было, как и в поход шла королева. А шла в поход мимо тех полат поблиску, где стояли стольник Петр да дьяк Семен и все посольские люди. И в то время посланники смотрели с приставом и дворяне ис полат, а люди их на королевском дворе перед теми же полатами. И королевино величество и королевичь нимало не укрывались, как и от своего государства людей. А рейтары и пехота в то время стояли по королевскому двору и перед двором на стойке для посланников; и как увидели, что идет мимо их королевино величество, все с великим опасеньем стояли в то время, шляпы сняв, и по барабаном били, и знаменщики знамены укрывались, и трубачи трубили, и сипошники играли, покамест королевино величество и от двора далече отошла.

И стольник Петр и дьяк Семен спрашивали у пристава у подскарбия де Берлиса: «Всегда ли за королевниным величеством в походе бывает таково людно, как ныне мы видели?».

И пристав сказывал: «Как де их королевское величество изволят, бывает того и меньши, а в ыное время

человек по сту и больши бывает рейтар и пехоты за королевским величеством; а естли де дальней поход, и в то время бывает человек по тысяче и больши».

А покамест посланники были у королевского величества в Санжармене, и в то время на королевском дворе и перед двором стояли начальные люди с пехотою в строенье, а райтары пеши с карабины по тех мест, как и в Парис поехали посланники от короля.

И после того стольник Петр и дьяк Семен поехали в Парис, провожали их приставы подскарбей де Берлис да Катуй да де Пей до посольского двора.

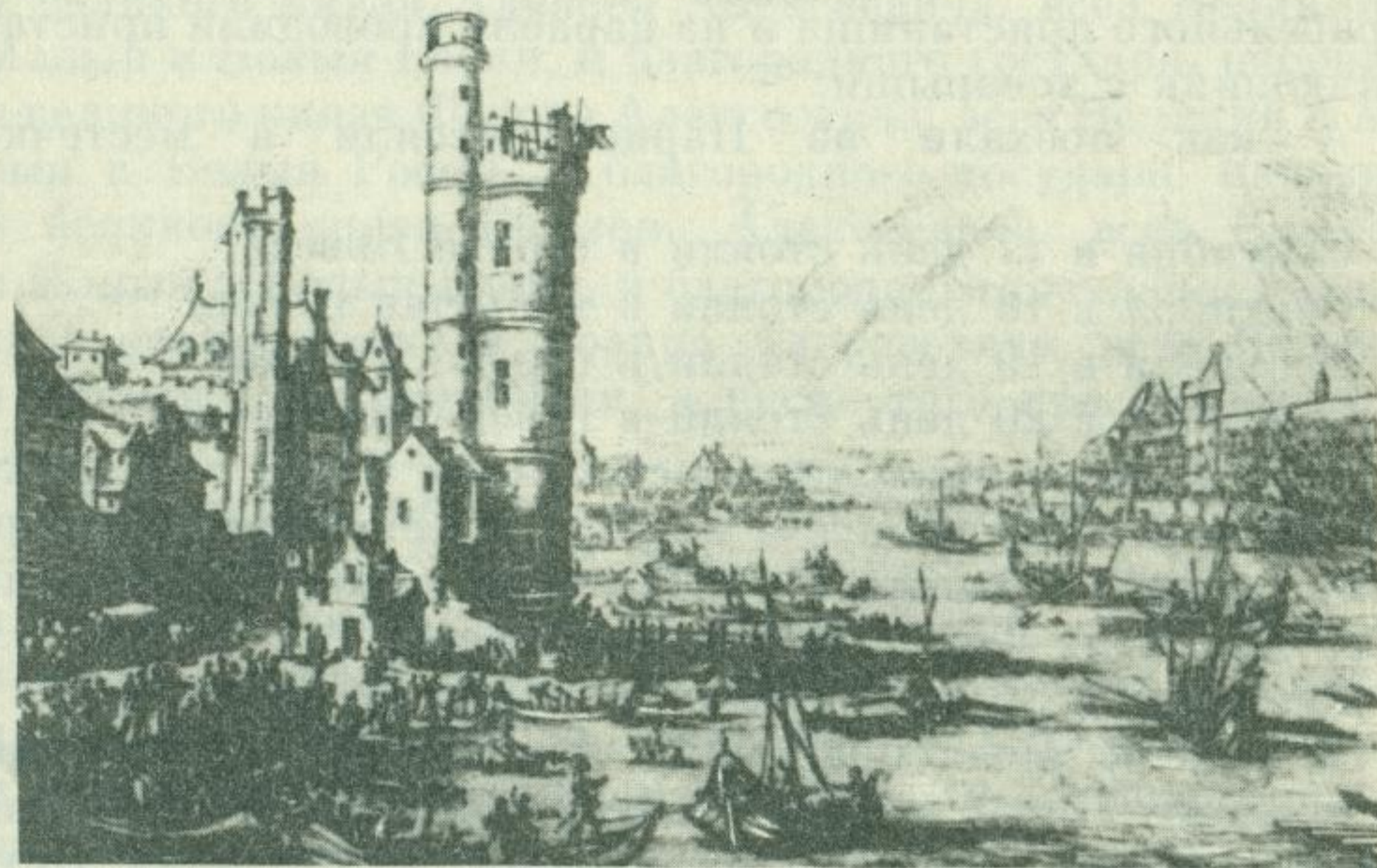
Сентября в 14 день королевское величество пошел из села Санжармена в поход с королевою и со всем своим королевским двором.

Сентября в 15 день к стольнику Петру и к дьяку Семену приезжал от королевского величества з дары пристав де Берлис да с ним товарищ ево де Пей: стольнику Петру Ивановичю три персоны, королевского и королевина и королевичева величества, да обяри золотные шеснатцать аршин, отласу золотново шеснатцать же аршин, два отласа червчатых по шеснатцати же аршин, сукно червчатое шеснатцать же аршин, пять ковров браных з золотом, двои часы золотые с алмазы, четверы часы золотые же бес камня, часы боевые гирные в меди; стольника Петра Ивановича сыну ево, стольнику ж Степану, шпага з золотым крыжом, три пицали долгих, пара пистолей, обяри золотной шеснатцать аршин, отласу золотново шеснатцать же аршин, два отласа травчатых по шеснатцати аршин, сукна червчатова шеснатцать же аршин, шестеры часы золотые без камня; дьяку Семену Румянцову шесть ковров наборных, каймы золотные, три ковра травчатые, на двенатцать стулов наметов браных цветных, сукна червчатова шеснатцать аршин, часы боевые гирные в меди.

Стольник Петр пристава де Берлиса и товарища ево дарил от себя: кубок серебряной золочен, две пары соболей, два меха белых хребтовых; сын ево, стольник Степан: две ж пары соболей, да фляшку оправную кости рыбьей, два меха белых, нож оправной; а дьяк Семен Румянцов дарил пристава де Берлиса с товарищи чем, и то писано в росписи под статейным списком.

Сентября в 16 день пристав де Берлис стольнику Петру привез по указу королевского величества сто дублонов, что взял у него в Байоне пошлины откупщик маршалка дюка де Грамона.

Того ж числа после стола пристав де Берлис привез от королевского величества переводчику Ивану Госенцу семдесят дублонов золотых, толмачю Роману Эглину тритцать дублонов золотых, и говорил: «Великий де государь их, его королевское величество, пожаловал, указал дать вам, переводчику и толмачю, золотые своего королевского величества жалованья, для того что в государстве их

такой чин, переводчиком всегда королевское жалованье бывает».

А что в Парисе от дел великого государя дано приставу, подскарбею королевскому де Берлису, да товарищу ево де Пейю, да прежнему приставу Катую, да переводчику Урбановскому казны великого государя соболей, и то писано в расходных книгах.

Из Париса поехали посланники стольник Петр и дьяк Семен и все посольские люди сентября в 16 день; под посланники и под дворяны, и подо всеми посольскими людьми восемь корет королевских было, во всякой корете по шти возников, да тритцать лошадей верховых под посольскими людьми.

А по указу королевского величества провожал посланников прежней пристав Катуй до карабельного пристанища, до города Калиса, да с ним был ключник королевского величества путной, и дворовые люди человек з десять, поваров и приспешников королевских з дватцать человек.

И как поехали стольник Петр и дьяк Семен, и по указу королевского величества столы ево королевские были готовы про них, посланников, и про всех посольских людей на всех станех по чину посольскому с великою честью и дворы в городех и местечках по указу королевского величества, где стоять стольнику Петру и дьяку Семену и всем посольским людям, занимали лутчие, и кровати и постели нарядные посланником и дворяном и всем посольским людям везде были изготовлены, и с великою честью до карабельного пристанища и на каравль проводили пристав и ключник с товарищи.

А как поехали из Париса, стояли в местечке Боме.

Сентября в 17 день стояли в городе Бовесе.

Сентября в 18 день стояли в местечке Посье.

Сентября в 19 день стояли в городе Абевиле.

Сентября в 20 день стояли в городе Мунтреле.

Того ж числа приходили к стольнику Петру и к дьяку Семену бургомистры челом ударить, и присылали с сахарными ествы и с овощами и с красным вином. И стольник Петр людей их дарил ефимками от себя.

Сентября в 21 день стояли в городе Болоние.

И того ж числа приходили того города бургомистры к стольнику Петру и дьяку Семену челом ударить, и прислали к ним с сахарами нарядными. И стольник Петр людей их, которые от них с сахарами приходили, дарил от себя ефимками. <...>

Сентября в 29 день приехали посланники в город Амстрадам; поставили их в Амстрадаме на посольском дворе, где всех государств послов ставят.

Сентября в 30 день приезжал в Амстрадам из Гаги тайным обычаем на посольской двор стат да секретарь. И в которое время стольник Петр ел з дворяны и с приставом в той полате, где по их чину послов подчивают, и в то время тот стат, вшед в полату, стал блиско стола. Стольник Петр, видя, что отменитой человек ото всех людей, которые были в полате в то время, и стоит поблиску стола, спрашивал у пристава агента про него: «Какова чину?». И пристав назвал ево полковником, и стольнику Петру говорил пристав, чтоб ему велел сесть за стол с собою. И стольник Петр велел ево посадить за стол. И он, пришед, с великим учтивством с стольником Петром витался, и сел в креслах за столом выше пристава.

И после того пришел бурмистр города Амстрадама

в ту ж полату и, вшед, с стольником Петром витался. И стольник Петр говорил ему, чтоб сел он с ним есть. И бурмистр сел з другой стороны против стата. И, немного помешкав, стольник Петр и дворяне и все иноземцы, которые сидели за столом, пили чаши про многолетное здорвье великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии саможержца, и великие государыни, царицы и великие княгини Марии Ильиничны, и благородного государя, царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Семиона Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, а после того про велеможных Стат.

И говорили пристав и стат, и бурмистр, и секретарь стольнику Петру: «Для великого государя вашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, его царского величества, к нам милости во всем вам, посланником, ради честь чинить и всякое споможенье».

И стольник Петр говорил им: «Недерлянские и Галанские земли велеможным Статом и бурмистром за их приятство и любовь челом бьем, что велели принять нас в городе Ротродаме тебе, агенту, чесному человеку, и барки под нас и подо всех посольских людей дать, и провожать нас велели до Амстрадама тебе, агенту, с товарищи с честью и с великим покоем. И ныне в Омстрадаме, по их велеможных стат розказанью, также бурмистров, видим во всем приятство ваше и любовь к нам. И чтоб в совершенстве та крайняя любовь и приятство велеможных стат и бурмистров к нам учинилася, велели б отпустить нас к великому государю нашему, к его царскому величеству, не задержав; и чтоб велели дать нам каравль до Риги. А естли, даст господь бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царского величества пресветлые очи, и о том о всем ему великому государю нашему, его царскому величеству, известно учиним, и

великий государь наш, его царское величество, по тому же велит учинить всякую достойную честь послом и посланником Недерлянские и Галанские земли, как аж даст бог будут в великом государстве Московском».

И выслушав речь, они у стольника Петра говорили: «Великого государя вашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царского величества, не токмо послом и посланником всякую честь и споможенье должны чинить велеможные Статы, но и всяких чинов людем его царского величества великого Московского государства добра и приятства всякого желают, и карабль вам, царского величества посланником, и всем посольским людем до Риги будет готов без найму, и отпустят вас, царского величества посланников, из Омстрадама со всякою честью. А как, аж даст бог, увидите великого государя вашего, его царского величества, пресветлые очи, известите ему, великому государю, его царскому величеству: писали велеможные Статы к великому государю, к его царскому величеству о новоприбылых пошлинах с посланным его царского величества, что вновь ныне почали пошлину гривенную у Архангельского города имать; и о том от великого государя, от его царского величества, по се время к Статом никакова ведома не учинено. А в Галанской де земле о том у торговых людей великое сумнительство, что вновь такой образец чинитца, и многие де торговые люди не хотят ездить торговать к Архангельскому городу для тех новоприбылых пошлин».

И стольник Петр говорил им: «По указу великого государя, его царского величества, посланы оне к великим государем к испанскому да ко французскому королем для их государских общих дел, которые настоят к их государственой брацкой дружбе и любви; а ныне они ис тех государств едут в великое Московское государство к великому государю, к его царскому величеству, и по случаю приехали в Галанскую землю; и о том им, посланником, неведомо, о чем писали Статы к великому государю, к его царскому величеству, с посланным его царского величества. А как придет время, и по указу великого государя нашего, его царского величества, ведомо учинят велеможным Статом, как о том великий государь наш, его царское величество, изволит. А что ныне от вас слышим, и о том великому государю нашему, его царскому величеству, извесно учиним».

И после того, помешкав немного, стат и бурмистр и секретарь поехали с посольского двора.

И того ж числа, пришед к стольнику Петру и дьяку Семену, пристав агент сказывал: «Говорил ты им, царского величества стольник, о карабле; и по указу велеможных Стат карабль вам, царского величества посланником, и всем посольским людем готов до Риги, как изволите ехать на карабль, чтоб ему о том ведать, в которое время велите ему быть з барками к посольскому двору, на чом вам ехать к карабельной пристани».

И стольник Петр и дьяк Семен велели ему, приставу, быть з барками незамотчав.

И октября в 2 день приехал пристав, агент, к посольскому двору з барками; барки были с стеклами, внутри писано по золоту сусальному розными красками.

И говорил агент стольнику Петру и дьяку Семену: «Недерляндские и галанские земли города Амстрадама бурмистры прислали под вас, царского величества посланников, барки свои с секретарем первым, почитаючи великого государя вашего, его царского величества, пресветлое имя, и велели вас велеможные статы проводить с честью на карабль мне, агенту, да секретарю первому города Амстрадама. Да вам же, царского величества посланником, велеможные Статы велели говорить: буде изволите посмотреть наряду, пушек и всяких пушечных запасов, и караблей воинских и карабельного всякого строенья, как в полатах устроены для опасения прихода неприятельского, и ратуши, где бурмистры и граф и судьи за всякими росправными делы сидят, а таковой де ратуши ни к которых государствах строеньем нет».

И стольник Петр и дьяк Семен ему, агенту, говорили: «На премномом приятстве велеможных Стат челом бьем, что карабль нам велели дать до Риги, и с честью проводить до карабля нас велели вам. И естли, даст господь бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царского величества пресветлые очи, и о том о всем ему, великому государю нашему, его царскому величеству, известим. А воинских кораблей и всякого карабельного строенья и наряду и ратуши смотреть будем для приятства велеможных Стат и бурмистров».

И того ж числа поехали стольник Петр и дьяк Семен и дворяне и все посольские люди на тех барках на карабль,

проводил их агент да секретарь. И, едучи на карабль, заезжали смотреть воинских караблей, и на тех воинских караблях пушек по осмидесят бывает, воинских людей на великом карабле по штисот человек и больши бывает, длиною те воинские карабли по сороку сажень, а иные и меньши; а когда у них ни с кем войны нет, и с тех караблей пушки и всякие карабельные запасы в полаты кладут, и всякого карабля и пушек и у пушечных запасов и что каких запасов карабельных ни бывает, ко всему ярлыки приложены до последней маленькой штуки; и естли неприятель на них вскоре наступит в малое время, со всем карабль у них будет готов: ис тех полат, где наряд и всякие запасы пушечные и карабельные лежат, зделаны на море ворота, и к тем воротам подвезут барки, и на тех барках пушки и всякие запасы пушечные и карабельные на карабль возят.

И, смотрев того их строенья, стольник Петр и дьяк Семен поехали на карабль и говорили агенту и секретарю: «На приятстве и на любви велемых стат и бурмистров челом бьем, что нас велели проводить до карабля с честью, и велели нам оказать воинские карабли и всякого пушечного и карабельного строенья».

И пристав, агент, и секретарь поехали в Омстрадам.

А чем стольник Петр и дьяк Семен дарили их от себя, и то писано в росходной росписи под статейным списком.

Октября в 3 день прислали бурмистры к стольнику Петру и к дьяку Семену с секретарем барки, на чом ехать смотреть ратуши.

И стольник Петр и дворяне ездили смотреть ратуши; и в той ратушке строенье великое, полаты многие, над теми полатами устроены часы безмерно стройны делом.

Октября в 4 день поехали на карабле стольник Петр и дьяк Семен и все посольские люди от Омстрадама, и шли из устья до моря три дни.

Октября в 13 день пошли из Зунта х Капнагаву. И того ж числа в ночи буря была великая и погода на море была страшная, дерево парусное переломило, и парус весь изорвало, и карабль было потопило в самую полночь.

Октября в 14 день пошли мимо столицы дацкого короля Капнагава.

Октября в 18 день пришли к Риге, и стояли на карабле в устье на реке Двине четыре дни, для того что противная

была в то время погода. И стольник Петр и дьяк Семен посылали в Ригу дву человек подьячих да переводчика да толмача, а велели про свой приезд графу-генаралу и воеводе объявить; и подьячие и переводчик и толмач у графа генарала были и про приезд посланников объявили. <...>

Октября в 24 день прислал к стольнику Петру и к дьяку Семену воевода рижский капитана спрашивать о их здоровье.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «На приятстве воеводы королевского величества кланяемся, что прислал навестить нас».

И после того посылали стольник Петр и дьяк Семен к воеводе подьячего до толмача спрашивать о здоровье, и за присылку велели кланятца.

И как подьячий и толмачь приехали к нему на двор и вошли в полаты, и воевода встретил их у дверей. И подьячий говорил речь, как было ему наказано.

И воевода, выслушав речь, говорил: «Великого государя, его царского величества, посланником на их приятстве, что прислали ко мне про свое здоровье сказать, челом бью. А в чом будет мочно, и он помогать им во всем рад». И проводил подьячего и толмача до крыльца и велел их отвести к той же корете, в которой приехали; проводил их в корете капитан до посольского двора.

И стольник Петр, заняв у того иноземца, которому русской двор приказан, триста десять ефимков любских и наняв подводы под себя и подо всех дворян, и под переводчика, и под подьячих, и под толмача, и под целовальника, и под людей их, и подо всякую их рухледь, и под своих людей и под рухледь, а дьяк Семен, заняв у того ж иноземца девяносто ефимков, и наняв под себя и под людей своих и под рухледь подводы, поехали из Риги октября в 30 день. А в которое время посланником из Риги ехать, и к ним прислали граф-генерал и воевода и бурмистры с капитаном пять корет, и велели провожать тому капитану с товарищи, да конных людей человек з дватцать, трубачей шесть человек, пехоты с пратазаны человек з дватцать, провожали от Риги с полмили.

И как прохали из Риги в тех коретах стольник Петр, и в то время стрельба была ис пушек.

А того капитана дарил стольник Петр — рукав соболей покрыт бархатом, а конных и пеших людей, которые провожали ево за город с капитаном, дарив же всех от

себя ефимками. А что им дано, и то писано в росходной росписи под статейным списком.

А на рубеж приехали посланники ноября в 7 день. И как стольник Петр ехал мимо порубежного Новагорода, и капитан, которому тот город приказан ведать, встречал стольника Петра, вышед за город с пехотою и стал блиско дороги х корете с великим учтивством, и спрашивал о здоровье стольника Петра, и велел в то время стрелять ис пушек, покаместь он мимо города ехал; а пристав проводил ево до рубежа, который их, посланников, дорогою провожал от Риги. И стольник Петр пристава и капитана и пехоту, которые встречали в Новом городке, дарил от себя ефимками.

И того ж числа приехали стольник Петр и дьяк Семен в Печерский монастырь и стояли в слободе монастырской два дни.

Во Псков посланники приехали ноября в 10 день. И, приехав во Псков, занели денег стольник Петр и дьяк Семен у архиепископа Арсения да Печерского монастыря у архимарита для росплаты с тем иноземцом, у которого заняли ефимками, будучи в Риге, для найма подвод; и за те заемные ефимки заплатили посланники во Пскове тому иноземцу — стольник Петр триста десять ефимков, а дьяк Семен девяносто ефимков.

И ноября в 13 день писали к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержццу, к Москве изо Пскова стольник Петр и дьяк Семен о приезде своем; а отписка послана со стряпчим конюхом с Федором Калмаком.